

Сергей ФИЛАТОВ

В ШКОЛЕ У НАС БЫЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ...

Вопрос о возможности компромисса между служением, с одной стороны, идеям укрепления государственности, что всегда подразумевает под собой некий элемент личной несвободы, подчинённости чему-то большему; с другой – нашим стремлением к творчеству или, другими словами, желанием обрести большее число степеней личностной свободы, – один из вечных вопросов, кои для любого думающего человека стоят в ряду – «что первично: материальное или духовное» в Мире, в нас, для наполненности смыслом нашего бытия...

Если обратиться к синодальному переводу Священного Писания, читаем: «В начале было Слово...» (От Иоанна, 1:1), и далее: «Все чрез Него начало быть...» (От Иоанна, 1:3). В оригинальном тексте Нового Завета на месте русского «Слово» стоит древнегреческое «ὁ Λόγος», которое имеет десятки значений, в том числе «разум», «мысль», «основа»... Не здесь ли кроется ключ к ответу?

Именно разумное восприятие действительности и способность мыслить логически подводит к тому, что для существования любого социума необходимы некие правила, законы, по которым этот социум существует. Которым следует подчиняться, чтобы не противопоставить себя этому социуму. И любое творчество только тогда созидательно, когда оно работает, прежде всего, на соблюдение этих законов и правил, будь то Библейские заветы или Моральный кодекс строителя коммунизма.

И в мировой, да и в нашей российской истории есть множество примеров людей, которым удалось совместить в своей биографии и служение российской государственности и собственно творчество: это – и Василий Андреевич Жуковский, и Александр Сергеевич Грибоедов, и Фёдор Иванович Тютчев, и многие другие...

На такие вот размышления навело меня общение с нашим земляком, родившимся на Алтае, в городе Бийске, Александром Бессмертных, который в начале 90-х был министром иностранных дел Советского Союза.

Честно говоря, после того как Александр Александрович, несмотря на свою занятость, согласил-

ся на интервью, с некоторой тревогой ждал от него ответов на мои вопросы, отправленные по электронной почте. Но когда получил эти ответы, то от тревоги и следа не осталось, поразили живость его языка и чёткость изложения мысли. Человек точно знает, о чём он хочет сказать, и умеет сказать об этом так, чтобы это стало понятно и интересно собеседнику. И ещё, как оказалось, Александр Александрович не только в юности мечтал писателем стать, но и сейчас ему не чуждо эмоциональное видение мира через рифмованные строки.

Безусловно, не только об этом мне подумалось, когда читал его ответы. К примеру, что мы знаем обыкновенно о своих известных земляках? Имя... максимум – краткие биографические данные. А вот, как человек шёл к своим высотам, чем он живет сейчас, что думает... Разве это менее интересно и познавательно?

– Александр Александрович, наверное, что-то из детства, связанное с Бийском, с Алтаем, вспоминается наиболее ярко?

– Бийск как место моего рождения отпечатался не только в паспорте, но и навсегда в памяти и душе. На том, чтобы я появился на свет именно в этом городе, а не в Ойрот-Туре (так именовался тогда Горно-Алтайск, где проживала наша семья) настоял мой отец Александр Иванович. В Бийске жили его родители, и он полагался на их доброту и опыт в обеспечении достойного приёма на этом свете его первенца. У мамы тогда в живых родителей не было, и она радовалась этому варианту. Вот так я и стал бийчанином – в доме своего деда на Почтовой улице, где и потом я неоднократно гостил.

Когда меня назначили министром иностранных дел СССР, поздравления пришли и от жителей Бийска, чему я был чрезвычайно рад. В некоторых городских газетах по этому случаю появились сообщения, в частности и о моих школьных годах в этом городе. К сожалению, речь, видимо, шла не обо мне, а о моих весьма многочисленных родственниках-бийчанах.

Школу я окончил в Ойрот-Туре, чем поразил экзамениаторов в Институте международных отношений (МГИМО), куда прибыл поступать. У них закружилась голова: «Это что и где такое? Какая еще Ойрот-Тура? Откуда такой беглый немецкий язык?..» Но деваться было некуда – приняли.

В моей долгой дипломатической карьере (только в США я проработал в общей сложности, в том числе послом, около двадцати лет) меня неоднократно спрашивали: «Вот вы из далекого от Москвы Бийска. Что это за город?» Рассказывал, что помнил, в частности, о том, что меня всегда интересовало. Город, возникший сначала в виде крепости в самом конце XVII – начале XVIII века, развивал ак-

тивные международные торговые связи, понятно, прежде всего с Востоком – Китаем и Монголией. Это была ещё одна дверь России во внешний мир... Ну и, конечно, это ворота в Горный Алтай... В общем, испытываемое мной чувство малой родины навсегда затаилось в моём сердце.

– Отец и мама... какие воспоминания связаны с родителями, с семьёй?

– Моя мать Мария Васильевна принадлежала к типу необыкновенно активных людей. Рано оставшись без родителей, она сумела, тем не менее, получить образование, в том числе финансовое, участвовать в политической жизни Алтая. Во время войны возглавляла городское отделение Сбербанка. В городе тогда скопилось немало преступных элементов, и ей пришлось несколько раз отстреливаться от бандитов, когда тёмными ночами возвращалась с работы.

Отец Александр Иванович (как инженер он возглавлял одно из предприятий города) ушёл добровольцем на фронт в 1941 году. Мать поддержала его порыв, хотя осталась с четырьмя детьми. Отец погиб в 1943 году в рукопашном бою под Старой Руссой, где на военном кладбище стоит памятник и с его именем.

Мне было семь лет, когда началась война. Я стал «старшим» мужчиной в семье. За мной следовали две сестры (привилегию дать имя которым мать предоставила отцу) – Долорес (Лора) и Нелли, и брат Эрнст, родившийся в апреле 1941 года. Я счастлив, что мы близки и дружны до сих пор. Лора стала врачом, а сейчас возглавляет большое семейство во Владимире, Нелли – в Темрюке, что на Кубани. Обе окружены детьми и внуками. Брат Эрик – издатель и писатель. Одним из его достижений была подготовка и издание уникальной «Шолоховской энциклопедии», которой он отдал несколько лет жизни.

– Годы Великой Отечественной войны, чем они стали для вас и ваших сверстников?

– Несмотря на голод 1942 года (страна была не готова к катастрофе), на тревогу («почему мы всё отступаем и отступаем?..»), военные годы всё равно были для нас полны приключений и впечатлений. Но главное – своеобразным воспитательным полигоном. Мы все быстро выросли – подноготная жизни с её сложностями и трудностями, которые в другие времена прикрыты родительской заботой, широко открылась для нас. Особую значимость обрела мальчишеская дружба с неперенными законами взаимовыручки и честности. Среди моих друзей был Коля Данилов, чуваш, единственный сын у матери, большой, безграмотной и нищей. Он пропадал у нас днями, а вечерами убежал к матери, пряча за пазухой бутерброд, которым мы с ним делились. Во всех ситуациях он был рядом. Был главным (по-

сле меня) защитником моих сестёр. Когда я уехал в Москву, связь наша не оборвалась ни разу в течение десятилетий. Он был единственным из друзей, кто не покинул Горный Алтай до своей смерти. С остальными друзьями у меня, фактически со всеми, десятилетиями сохраняются связи.

С тех времён осваивалось непростое искусство дружить и умение распознавать ложь в отношениях. Так, «на взлёт» можно сказать, что лжи было немного, скажем, процентов пять – семь из ста. Товарищество ценилось очень высоко.

Когда война началась, нам было по семь – восемь лет. Когда окончилась – по одиннадцать – двенадцать. Но мы были взрослее, сильнее, чем, скажем, наши дети в этом возрасте. И это, уверен, помогло нам не потеряться в перипетиях последующей жизни.

– Почему МГИМО? Было ли это решение спонтанным или всё же была какая-то целенаправленность, продуманность вашего выбора?

– Решение поступить в МГИМО было, по сути, случайным. Ему не предшествовали какие-то раздумья или расчёты. На него подействовали странно сложившиеся обстоятельства.

На выпускных экзаменах в школе я получил пятёрки по всем предметам, хотя на это особенно не рассчитывал. Документы на присуждение золотой медали ушли в Барнаул. Моя одноклассница Вера Олейник сдала на серебряную медаль. Мы с ней были первыми за всю историю города медалистами.

Пока у краевых властей гуляло моё дело, я переживал внутреннюю борьбу, решая вопрос о том, куда пойти учиться. Раньше были две мечты. Первая на глазах умирала, я вырослел и уже смотрел на вещи более реально. Мои рассказы и небольшая повесть «Туман и ветер», которые я посылал в журнал «Смена», не публиковались. Значит, решил я, в Литературный институт поступать не буду – не дорос. Вторая мечта – стать журналистом – представлялась вполне достижимой. Решил настроиться для журналистский факультет МГУ. Собирал написанное – вдруг пригодится. Литература и русский язык – мои любимые предметы. В школе у нас был замечательный учитель Красновский Иван Яковлевич, который всё пытался пробудить в нас «божью искру», убеждал, что русская натура «словоприимчива», что русские лучше воспринимают бытие через слово, чем через факты.

Время шло, а Барнаул молчал. Почти все одноклассники разъехались. Как-то на улице встретил директора нашей школы Коваленко Ивана Ивановича. Он стал успокаивать: «подожди, в институт успеешь...». Он знал, что я мечтаю о журналистике, но вдруг сказал, что недавно видел в «Комсомольской правде» объявление о любопытном вузе – Институте международных отношений. Я заинтересовался и подумал: чем чёрт не шутит. Наконец из Барнаула

поступили документы: мне присудили не золотую, а серебряную медаль за неверный по тем временам перенос слова «огромный» (ог-ромный). Школьные учителя побунтовали против несправедливости, но напрасно.

Я быстро собрался. Сел на автобус до Бийска, там – на поезд до Новосибирска. На пятые сутки – в Москве. На следующий день помчался в Институт. Там потрясли сообщением, что и медалистам предстоит сдавать экзамен по иностранному языку. Сдав на отлично немецкий, с трудом «перебрался» на английский, тем самым открыл калитку в свою дальнейшую профессиональную жизнь.

– Знаю, что на работу в МИД вас взяли ещё до окончания института. Случай беспрецедентный...

– Действительно, до этого ничего подобного в истории не было, и это спасло моё будущее. Потому что одним из почти непреодолимых препятствий на этом пути было отсутствие московской прописки. Новая работа сняла проблему. Но был ещё один барьер. О нём – запись в личном дневнике, который я вёл с десятого класса: «26 июня 1956 г. Экзамен сдал. Несколько дней назад узнал новость: за границу посылают только коммунистов. Молодежь зажимают. Среди тех, кто поедет, много людей, едва сдавших на «тройки». Считается, что наличие партбилета дает право стать безгрешным. Как это неверно! Партийная принципиальность должна проверяться только делом!»

Приём на постоянную работу в МИД ещё не окончившего институт студента до сих пор остаётся делом беспрецедентным. А разгадка в том, что свою преддипломную практику я проходил в отделе печати министерства, которым руководил тогда известный партийный деятель, бывший редактор газеты «Правда» Л. Ф. Ильичёв. В те времена это был один из ведущих отделов министерства. Там, помимо прочего, писались речи для руководителей страны. Мне сразу пришлось переводить его беседы с иностранными деятелями, а потом их сжато записывать, давая анализ замысла собеседника. Кроме того, в отдел поступали газеты и журналы из Вашингтона и Лондона. Там их редко кто читал. Меня они крайне заинтересовали, и я стал делать аналитические обзоры для шефа. Он удивился, стал читать и даже рассылать их «наверх».

Однажды он попросил меня попробовать написать речь для Хрущёва, выезжавшего с визитом в Европу. Сибирский характер позволил мне не только не испугаться, а наоборот, ничего не спрашивая, «накатать» большую речугу. Отдал и забыл о ней. Но, как оказалось, текст понравился Хрущёву, и он произнёс его в Париже. А я получил премию в сто сорок рублей. Когда наступил срок моего возвращения в институт, Ильичев заявил, что оставляет меня в МИД, хотя это стоило ему «больших кровей».

Диплом и выпускные экзамены я сдавал, получая двух-трёхдневные отгулы. Пройдут годы, и наступит момент, когда мы с Ильичёвым будем одновременно заместителями министра иностранных дел, и всегда – добрыми друзьями.

Сделаю отступление. По моему глубокому убеждению, судьба имеет своих агентов, я их называю «люди-вехи», с помощью которых она осуществляет повороты в нашей жизни. Сами агенты не ведают, что творят. Подскажут что-то, порекомендуют, случайно подтолкнут, а то подставят плечо и забудут об этом. А чья-то жизнь после этого помчалась по новому руслу.

– Работая в различных дипломатических миссиях за пределами страны, вы принимали участие в решении многих вопросов, связанных в том числе и с советско-американскими отношениями...

– Мой первый неформальный интерес к США как цивилизации появился ещё в студенческие годы, когда я перевёл с английского и опубликовал в институтской газете ироничную поддельную поэму «Возвращение Гайаваты». Оригинал – это гениальная поэма Лонгфелло «Песнь о Гайавате» на основе сказаний и мифов индейского племени. Оттуда, думаю, и вырос мой интерес к Америке, переросший в профессию. Через год после института я защитил кандидатскую диссертацию о дипломатии и дипломатической службе США.

Дальше всё пошло-поехало. Набирание опыта во многих ипостасях: политике, экономике, культуре, военной стратегии, дипломатии этого государства, ставшего одним из ведущих наших партнёров-оппонентов на протяжении десятилетий. Моя профессиональная стезя упрямо прокладывалась в сторону США: Нью-Йорк (помощник заместителя Генсекретаря ООН по делам Совета Безопасности); аппарат министра иностранных дел СССР (помощник с поручением отслеживать военно-политические настроения в США); Посольство СССР в Вашингтоне – в должности советника, затем советника-посланника с задачей анализировать, прежде всего вопросы политических и военно-стратегических отношений с США. Послом тогда был выдающийся дипломат А. Ф. Добрынин, с которым я проработал в Вашингтоне тринадцать лет. Через какое-то время я сам оказался в кресле посла.

– По сути дела, вы были последним министром иностранных дел СССР (если не считать Бориса Дмитриевича Панкина, который занимал этот пост, когда механизм развала СССР был уже запущен безвозвратно) и, как отметил В. А. Кузьмин (Превратности и профессиональной дипломатии А. А. Бессмертных. Екатеринбург, 1999), первым руководителем этого ведомства, у которого были соответствующее

профессиональное дипломатическое образование и опыт работы. До этого ваши предшественники приходили на это место в основном «по партийной линии»...

– Действительно, в то время потребовались опытные профессионалы. Партийцы, чиновники уже не годились. Появились новые по своему масштабу и качеству проблемы в мировой политике, особенно во взаимоотношениях СССР и США. Растущая роль иных ведущих держав – Китая, Индии, Японии, Ирана требовали от дипломатии мощного интеллектуального вброса, новых подходов в стратегических расчётах, конкретных знаний структуры военных балансов, возросшей важности конфиденциальных прямых (с глазу на глаз) контактов, зачастую без переводчиков, потребовали повышенной профессионализации руководителей дипломатических ведомств. Полагаю, эти соображения потребовали на высшие дипломатические посты профессионалов, с необходимым, понятно, опытом.

После моего ухода в 1991 году до назначения министром С. В. Лаврова руководство нашей дипломатией находилось в полупрофессиональном поле.

– За сравнительно недолгое время вашего руководства МИДом был достигнут ряд важных международных соглашений, в том числе и в области советско-американского сотрудничества... и воплощения концепции «пояса дружбы». Почему же всё-таки именно в это время, несмотря на итоги референдума, стал возможен развал СССР, чем это обусловлено?

– Это было крайне интенсивное время, наполненное серьёзными переменами в самых разных областях. Они требовали либо корректировки некоторых наших подходов, либо даже отказов от них. С другой стороны, время подбрасывало новые, порой неожиданные задачи. До того как я стал министром, я несколько лет был заместителем и первым заместителем министра. При Шеварднадзе это означало достаточную степень самостоятельности. Будучи глубоко вовлечённым в переговоры по ограничению и сокращению вооружений, я одновременно уделял внимание серьёзным региональным проблемам. В том числе нерешённым. Особенно – Ближнему Востоку.

К примеру, считал исключительно важным укреплять отношения по периметру наших границ. Тогда и зародилась заявленная мной концепция «пояса дружбы» вокруг нашего государства. Началось с развития связей с Ираном и Турцией, странами с давними антироссийскими традициями. Встретился с их лидерами, и дело постепенно пошло. Был первым министром нашей страны, посетившим Израиль, нанёсшим официальный визит (впервые в истории) в Грецию. Мной был подписан исторический договор с Китаем о прохождении границы, над

которым трудились несколько десятилетий наши дипломаты. Велись активные переговоры с Японией, ведущими странами Ближнего Востока, Восточной Европы. Кольцо постепенно формировалось, обрастая дружественными договорённостями и практическим сотрудничеством.

Сейчас этот пояс разрушается, к сожалению, в критических местах (Украина, страны Балтики).

Потом мы подошли к 1989, 1990 и 1991 годам, которые серьёзно изменили историческую картину века. Причины накапливались незаметно и потом «рванули». Отчётливо проявилась экономическая слабость СССР, хотя он был высокоразвитой индустриальной державой, но с преобладанием закрытого оборонного сектора. Нефтяное богатство обдарило нас. Мы слишком зависели от нефти. Когда цены на неё возрастали, наша власть, как Илья Ильич Обломов, ложилась на диван и, забыв о реформах, посапывала до очередного кризиса. Нефть всегда (и сегодня) коррумпировала наши реформы.

У нас вообще склонность к импровизационным вариантам реформ. Мы не были готовы к выживанию в условиях сильного экономического кризиса девяностых годов. Стали просить помощи у Запада, особенно у «семёрки» западных стран. Но это был просчёт. Потом (после развала СССР) пошли даже на привлечение американских советников в правительство (в ряде министерств сидели американские советники). Это и была «техническая помощь» Запада. И мы развалились.

В это время я уже не был в правительстве.

– Не могу не поинтересоваться вашим мнением о работе МИД РФ сегодня.

– Российская дипломатия унаследовала многое из опыта советских времён. Советский же опыт воспринял всё лучшее из практики Российской империи. Надо понимать, что дипломатия, как и оборона, стоит над идеологией, хотя на практике то и дело это фундаментальное правило нарушается. Но всё-таки стержень остаётся.

Фактически все нынешние руководители основных подразделений МИД РФ прошли (на разных уровнях) через участие в советской дипломатии, о которой фактически даже американские исследователи говорят с завистью и восхищением. Казалось бы, почему? Потому что дипломатия – это отточенный инструмент внешней политики. Он «внепартийный» и «внеидеологичный». Он воплощает в себе искусство, опыт и интеллект.

Конечно, российской дипломатии приходится работать в более сложных условиях. Россия остаётся великой державой, но она уже не супердержава. И потому наши национальные интересы приходится защищать с удвоенным напряжением сил. И это в целом получается. Я в постоянном контакте с МИД и министром С. В. Лавровым (в моё время он был на-

чальником одного из управлений). Это способный, трудолюбивый и высокопрофессиональный дипломат, успешно работающий в нашу сложную эпоху.

– **Александр Александрович, что бы сегодня хотели пожелать своим землякам?**

– Я испытываю какое-то сыновье томление, когда речь заходит о Бийске. Меня обдаёт странным

теплом – ведь это моё малое отечество. Возможно, мне удастся вырваться из рабочей загруженности и посетить свою малую родину.

Счастья и успехов моим землякам!

– **Спасибо вам за беседу.**

Беседу вёл Сергей ФИЛАТОВ

Александр БЕССМЕРТНЫХ

ПОИСК

Смысл я в тебе ищу...
А. Пушкин

*В людском потоке пыль,
В людском потоке явь.
Но застилает быль
Мятежность бытия.*

БЕССМЕРТНЫХ Александр Александрович родился 10 ноября 1933 года в Бийске. До поступления в вуз жил в Горно-Алтайске. Окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. Работал референтом, переводчиком, сотрудником Секретариата ООН, заведующим отделом США МИД СССР, заместителем и первым заместителем министра иностранных дел СССР. Был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США. В январе – августе 1991 года А. А. Бессмертных – министр иностранных дел СССР, член Совета безопасности СССР. Участвовал в подготовке международной мирной конференции по Ближнему Востоку (Мадрид, 1991), в подписании советско-американского Договора по СНВ-1 (Москва, 1991), первых соглашений СССР с Советом Европы.

Автор многих статей и исследований на темы дипломатии, внешней политики, военно-политической стратегии, переговоров по ядерным вооружениям. Кандидат юридических наук. Действительный член Российской академии социальных наук, член-корреспондент Чилийской академии социальных, политических и гуманитарных наук. Награждён орденами Дружбы народов, Почёта, медалями, другими знаками отличия, в том числе Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

В настоящий момент возглавляет Международную Внешнеполитическую Ассоциацию, а так же Всемирный совет бывших министров иностранных дел и Ассамблею международных деловых и культурных связей. Живёт и работает в Москве.

*Здесь кто оставил след –
Палач или святой?*

Нам отвечают:

Нет, то был пастух простой.

– А где нам смысл найти,

Христос и Моисей?

– В пещерах, чтоб спасти,

Его зарыл есей...

*А к истине тропа –
Скрепки на бересте.
К познанию врата –
Морщины на песке.*

СТРОКА

Я гнался за строкой
 счастливой, как роса,
 Несущей, словно молвь в порывах ветра,
 Неоглашённую дерзостных идей.
 И в то же время
 Ясной, как дыхание.
 Я близок был и, руку протянув,
 Почти коснулся
 Шёлка оперенья.
 Но, поскользнувшись, дикая строка
 Слетела вдруг
 В подвальное сознание
 И, задыхаясь в сжатосерой тьме,
 Сверкнула на мгновение
 И погасла.
 Но затухая, бросила на стол
 Рассыпчатую тень,
 Как обещаешь,
 Что словно стрекозиный род,
 Она вспорхнёт когда-нибудь опять
 Над омутом бессмысленных страстей
 И в радужном сиянии
 Обновления
 Сыграет вновь со мной
 В перегонки.

122

СТРОКА-2

Задохнувшаяся строчка,
 Как непопнувшая почка, –
 Галактическая боль,
 Дзэнковские сплетенья,
 Кварков дикое сметенье,
 Ломка стойких воль...
 Отрешённости свеченье,
 Душ ушедших излученье
 Не воспрянут вновь,
 Потускнеет смысл Слова,
 И всполохом суперновым
 Не придёт любовь.
 В недрах чёрных дыр без света
 Всё застынет без ответа,
 Как умерший луч.
 Не раскрыть тенёта тайны –
 В строчке, скомканной случайно,
 Замурован ключ.

* * *

Я не славлю Россию –
 Она не нуждается в этом.
 Она – мировая стихия,
 Потому не подвластна поэтам.

Она не нуждается в тостах,
 В заклинаньях, что веришь и любишь.

Шепчу ей я тихо и просто:
 Спасибо, что есть
 И что будешь.

